

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ВИДЕНИЯ КАТЕГОРИИ
СЕКСУАЛЬНОСТИ
THE PECULIARITIES OF THE CATEGORY OF SEXUALITY IN THE
POSTMODERN DISCOURSE**

Колиева Ирина Анатольевна

Аспирантка кафедры философии и социологии Днепропетровского
национального университета железнодорожного транспорта имени академика

В. Лазаряна,

Днепропетровск, Украина

*В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с
интерпретацией категории сексуальности в постмодернистском дискурсе.*

Ключевые слова: сексуальность, гендер, постмодернизм, истерия, пол

*У статті розглядаються основні проблеми, пов'язані з інтерпретацією
категорії сексуальності у постмодерністському дискурсі.*

Ключові слова: сексуальність, гендер, постмодернізм, істерія, стать

*The article deals with the main problems concerning the interpretation of the
category of sexuality in the postmodern discourse.*

Key words: sexuality, gender, postmodernism, hysteria, sex.

Многочисленные постмодерные изменения в политико-социальном устройстве общества третьего тысячелетия затрагивают различные сферы жизни человека, в том числе и сферу интимной жизни. Сегодня многие исследователи обращаются к анализу социокультурной составляющей бытия человека, переживающей радикальную трансформацию (Э. Гидденс, З. Бауман, Дж. Батлер и другие). Проблемы интимной и эмоциональной сторон жизни

человека, сексуальных и гендерных отношений, борьба сексуальных меньшинств за свои права, серьезные изменения ценностной иерархии и приоритетов жизни – это лишь немногие факторы, которые занимают ведущее место в современной философской и социологической мысли.

Известный американский историк и социолог Джеффри Вилкс отмечает, что «энергия постмодернизма набирает силу, подрывая установленные модели и старые, ранее упорядоченные кодексы», и, следовательно, вопросы о смене приоритетов в шкале ценностей, а также вопросы, связанные с интимной сферой жизни человека, все больше выступают на первый план [1, С. 229]. Категории интимности в эпоху постмодернизма свойственна радикальная демократизация межличностных отношений, поскольку речь идет уже не только об индивидуальном бытии человека, модели его личной жизни, а о настоящем равенстве партнеров, о свободном выборе стиля жизни и совместных форм проживания. Подобная демократизация является определяющим моментом в понимании современных изменений сексуальных модусов жизни.

Таким образом, философы-постмодернисты говорят о деконструкции сферы интимности, которая включает три взаимосвязанных компонента – любовь, эротику и секс, и пытаются определить особое место каждой из вышеуказанных составляющих в постмодерном дискурсе [2].

Исследователи рассматривают область интимной жизни как актуальную сферу освобождения человека от тисков общественных ограничений, которые лимитируют уникальность сферы интимности. Таким образом, в наше время актуализируется проблема эмансипации интимного в социуме, наблюдается перераспределение природного и социокультурного в объяснении места феномена сексуальности в жизни человека [2].

В современном обществе сфера сексуальных отношений перемещается с периферии общественной жизни в ее центр. Проблемы сексуального характера находятся в центре внимания, их исследуют и обсуждают, сексуальные практики становятся частью современного нарратива. Будучи всегда свободной

зоной индивидуального самовыражения, секс становится «культовым» объектом, которому поклоняются как проявлению свободы.

Современные исследователи считают проблемы секса одними из ключевых вопросов, отмечая, однако, что контроль над сферой сексуальности всегда был составляющей аппарата власти. Психологи и сексологи акцентируют внимание на том факте, что в современных средствах массовой информации и массовом искусстве (телевидении, кино, печатных изданиях) разговорам «про это» уделяется слишком пристальное внимание. То, что раньше игнорировалось и вытеснялось в сфере подсознательного, сейчас оказывается в центре внимания, часто в преувеличенном и извращенном виде, как бы стремясь наверстать упущенное время и возможности самовыражения [3].

Еще в конце XIX – начале XX веков ученые говорили о так называемых «репрессивных гипотезах» в сфере сексуальности. Прежде всего, определялось то, с чем необходимо бороться или наказывать, составлялся каталог «извращений», идентификация с которыми становилась основанием для репрессий, поскольку нетрадиционные сексуальные ориентации рассматривались как нездоровые, преступные наклонности. Власть навязывала такое понимание, которое было далеким от научного, непредубежденного взгляда и основывалось на ошибочных выводах [2]. Однако следует отметить, что и в современных условиях, когда мы наблюдаем иное, более взвешенное понимание многих вещей, вопросы, связанные с интимной жизнью человека, также используют для манипуляции в сфере сексуальности.

То, что раньше было «секретом», становится предметом раскрытия «правды», фундаментальной «истины» как продукта научного дискурса. Американский философ и социолог С. Сидман говорит о возникновении целой науки, которая не раскрывает текущее положение дел, а создает свой предмет исследований – «секс». Подобно сумасшествию, секс является феноменом, который зависит от текстового представления о нем, от того, как его обозначают, описывают, анализируют. Общество определяет формы

сексуального поведения, санкционирует и запрещает его в сфере «власти и знания», которые господствуют в данное время в данном пространстве. Исторический экскурс в прошлое показывает переменчивость, относительность и зависимость этих форм от господствующих форм «власти и знания» [2].

Известный французский философ М. Фуко рассматривает сексуальность как социальный конструкт, которым оперируют на поле власти. Согласно Фуко, сексуальность является не только биологическим явлением, которое так или иначе реализуется, но и повседневным феноменом, который создается СМИ, индустрией «массовой культуры», а также другими источниками знаний (книги, статьи и различные исследования). Социальные факторы играют первостепенную роль в определении места, которое занимает сфера сексуальности в жизни человека XXI века.

Именно эти факторы определили, по мнению Фуко, «сексуальную революцию» середины XX века. Секс освободился из узких рамок главным образом репродуктивной функции. Современные сексуальные практики, по мнению исследователей, определяются рефлексией и текстами, которые доминируют в современном культурном пространстве [4]. Сегодняшняя тенденция в интерпретации данного вопроса говорит о том, что секс является сферой самореализации человека, зоной, где индивид может чувствовать себя свободно, поскольку нет ограничительных факторов: секс – именно та сфера, где возможно развитие человеческой эмансипации [5].

На сегодняшний день категория сексуальности все еще связана с властными практиками и социокультурным контролем, о чем справедливо говорил М. Фуко, хотя и в значительно меньшей мере. Одновременно в постмодернистском видении, по мнению британского исследователя Э. Гидденса, секс становится важной точкой пересечения двух процессов, которые характеризуют современное состояние общества: «приобретение сексом большей свободы, отдельного места в дискретных формах современной экзистенции», а также его дальнейшая индивидуализация и трансформация интимности в сторону демократизации сексуальных отношений. «Секс может

быть «историческим конструктом», но остается также ключевым местом для самоконструирования своего значения для себя и своего социального локуса» [4, С. 282]. Таким образом, философы отмечают, что в современных постмодерных обществах сфера сексуального и дальше будет рассматриваться как сфера дальнейшего освобождения личности от диктата социума. Сексу предрекают роль ведущего средства и измерения эмансипации индивида [2; 6].

Тем не менее, исследователи выделяют целый ряд проблем и конфликтов, связанных с изменением роли и места сексуальности в жизни индивида. Проблемы освобождения сексуальности, свободного сексуального самовыражения всегда были тесно связаны с общественным движением за гражданские права, индивидуальные свободы, а также с женским движением. Многие феминистские критики говорят о том, что современное общество сформировано с точки зрения «мужской перспективы» а, следовательно, институализирует мужские нормы (Л. Николсон, Т. Чантер, Т. Бреннан и др.). Исследовательницы видят основную задачу в том, чтобы выразить «женский взгляд» на текущее положение дел и в сфере сексуальности. Таким образом утверждается необходимость выйти за рамки простого «полового» различия, а вместо этого реализовать действительное равенство [7]. Современное общество «всеобщего благоденствия» является, по мнению приверженцев феминистской социологии, патриархатным, как в частном, так и в общественном секторе (политическое доминирование мужчин, доминирование в принятии решений и т.д.). Поэтому феминистская активность переместилась в «третий сектор», а именно в частную жизнь человека. Утверждение «личное – это политическое» означает, кроме всего прочего, отношение к проблемам сексуального и домашнего насилия. Речь идет о политизации личных взаимоотношений, что, по мнению исследовательниц-феминисток, является более важным, чем формальные права в политической деятельности [7].

Таким образом, привлечение интимных сфер к предметам философского и политического рассмотрения также является свидетельством значимости этих сфер в общественной жизни современного человека. Один из лидеров «новой

политической социологии» К. Неш считает, что проблематика пола и сексуальности находится в центре внимания политологии и социологии [8, Р. 165-177].

Многие исследователи, которые занимаются вопросами анализа интимной жизни человека, считают, что нынешнее разделение эротики и других человеческих чувств и переживаний делает ее предметом контроля только эстетических критериев, а вопросы морали остаются в стороне. Философы считают такую точку зрения небезопасной для общества, поскольку во время радикальной переоценки ценностей и постмодернистского пересмотра и критики традиционных норм погоня за наслаждением в интимной сфере связана с опасностью и многочисленными рисками [3]. Российские исследователи отмечают, что культура постмодерна восхваляет наслаждение сексом и призывает к насыщению им всего «мира переживаний». Вместе с тем эта же культура запрещает рассматривать другого человека в качестве объекта сексуальных экспериментов, подчеркивает неприкосновенность телесной индивидуальности. Такое видимое противоречие порождает целый ряд конфликтов, которые часто тянут за собой криминальные последствия [3].

В традиционных сексуальных контактах партнеры одновременно являются субъектами и объектами желаний. В то же время сексологи отмечают, что последнее часто оказывается непросто в ситуации противоречивых культурных сигналов и размытости критериев «нормальности». По мнению специалистов, насаждаемый массовой культурой и СМИ виртуальный секс и эротика в сопоставлении с убогой реальностью способны вызвать многочисленные неврозы и психические отклонения.

В своей работе «Трансформация интимности: секс, любовь и эротизм в современных обществах» Э. Гидденс пишет о том, что демократизация личной жизни, очищение интимных отношений от всего постороннего уже близко [4, С. 184]. По мнению ученого, распространение процессов демократизации в этой области трудно наблюдать непосредственно, поскольку они находятся, главным образом, вне сферы публичности, но, несомненно, имеют глубокие последствия.

Интимная жизнь индивида является «последним редутом» несвободы и общественной регламентации. Вслед за эмансипацией труда, свободой политического выбора, гражданскими правами пришла очередь освобождения сексуального поведения из-под социальной опеки.

Свидетельством такой демократизации являются идеи автономности индивида в его интимном мире. Индивид уже в большей степени является самооцениваемым и самодетерминированным. Ограничивается внешнее давление на него, присутствуют лучшие возможности для его саморазвития. Реализация «личностного проекта» предполагает свободное определение и в области интимности. Права и обязательства остаются необходимой частью этого мира, однако это уже не означает существования жестких правил взаимодействия в этой сфере, ее следует рассматривать скорее «как кластер прерогатив и ответственностей, которые определяют программу практической деятельности» [4, С. 190]. Императив свободной и открытой коммуникации становится принципом ясных взаимоотношений, которые не нуждаются в других критериях. Разрыв с принуждением, открытый диалог и высказывание индивидуальных потребностей становятся средствами, через которые реализуются процессы демократизации.

Демократизация категории интимности включает также наличие «радикального плюрализма» в этой области, отсутствие ограничений для сексуальной активности. Прежде всего речь идет о признании равных прав на женскую сексуальность, реализация права женщин на «иной голос» в вопросах морали. Многие ученые ставят под сомнение определяющую роль нуклеарной семьи как «первичной ячейки общества» призывают отказаться от «принудительной гетеросексуальности», которая, по их мнению, подвергает дискриминации всех тех, кто не соглашается подстраиваться под узаконенное положение вещей. Неоспоримым является влияние гей- и лесбийского стиля жизни на поп-культуру и модельный бизнес, все это является мощными факторами, которые нельзя игнорировать [9].

Проблема однополых отношений является еще одной важной составляющей в вопросе определения современных критериев сексуальности. Исследователи считают, что наилучшим способом для представителей секс-меньшинств бороться за свои права в либеральных демократических обществах – это позиционировать себя как «меньшинство», которое возникло природным путем, «с рождения», а не является «созданным», то есть индивидуально выбранным. Проблема в том, что такая позиция не совпадает с социологическим взглядом на нее. Социологи рассматривают сексуальную ориентацию, главным образом, как культурную и историческую спецификацию идентичности, а не природную особенность личности [1]. Знаменитая исследовательница Джудит Батлер говорит о том, что «...сейчас распространяется понимание, что личная сексуальная идентификация не является как бы высеченной на камне, она, скорее, текучая, чем статичная, каждый имеет право играть с любыми желаниями..., нет жесткой дихотомии «гей – натурал»....» [10]. Такое высказывание четко характеризует постмодернистские подходы к данной проблеме.

Сексуальная эмансипация означает объединение эластичного и толерантного отношения к сексуальности с рефлексивным проектом собственного «Я». Никакие запреты не нужны, если будут уважаться демократические принципы и, прежде всего, принципы автономности индивидов, если не будет допускаться «эксплуатационное доминирование», принуждение в интимных отношениях. Более того, многие исследователи говорят о необязательности фиксированной идентичности в этом плане – лесбиянка, гей, бисексуал, транссексуал и «еще в поиске», главное – выходить за границы «гетеросексуальной матрицы» [9].

Известный американский философ М. Ворнер отмечает, что каждый может «открыть себе новый мир», трансформируя свою сексуальность, каждый может изменить пол, поскольку открываются и предлагаются новые возможности для самоидентификации. Исследователь пишет о все большем распространении экс-центричного поведения («ex-center») в сфере интимности

[9]. В конечном счете, по мнению ученых, «меньшинства» теряют четкое определение своих групп, определенные сексуальные эксперименты распространяются и среди гетеросексуалов, которым уже невозможно дать четкое определение. Все эти факторы создают проблемы для тех обществ, где групповое членство должно быть ясным [2].

Постмодернистская стратегия интимных отношений позиционирует себя как самодостаточный и самоценный конструкт. Исследователи отмечают, что за сексуальной революцией 1960-1970 годов пришла «революция эротическая». Цели ее состоят не в легитимации разнообразных, свободных сексуальных контактов, а в том, что З. Бауман назвал установкой на «коллекционирование ощущений». В отличие от монотонных плотских желаний, примитивных плотских удовольствий, которые опираются на природные инстинкты, «искатели переживаний» эпохи постмодернизма обращаются к фантазиям, которые питаются современными культурными продуктами, используют более мощные, ранее недоступные для переживания эффекты [11]. Однако необходимо отметить, что как и во всех других аспектах человеческой деятельности, в сфере интимности следует придерживаться принципов согласия, интересов и взаимоуважения, помня, что, как верно заметил Э. Гидденс, в сфере интимности «отличия» могут стать средствами «коммуникации» [4, С. 196].

Постмодернистская декомпозиция составляющих интимной сферы современного человека открыла новые перспективы развития. Вместе с тем вместо тотального надзора за интимной сферой, ограничениями и запретами ради общественно-одобренных «послушания и здоровья», критериев «нормальности» и «отклонения» человек, освобожденный из-под власти социальных ограничений, получил, например, довольно туманные ориентиры виртуальных удовольствий. Новые горизонты человеческой чувственности и свободного самоизъявления, которые открылись на современном этапе развития, требуют новой культуры интимных взаимоотношений. Таким образом актуализируется новое проблемное поле существования человека,

которое требует внимания со стороны как философии, так и других общественно-политических наук.

Список использованных источников

1. Weeks J. *Sexuality and its Discontents: Meanings, Myths, and Modern Sexualities*. – Routledge, 1990. – 336 p.
2. Seidman S. *The Social Construction of Sexuality*. – W.W. Norton & Company, 2009. – 240 p.
3. Ионин Л.Г. Укрощенная эротика // *Человек*. № 3 – М., 1992.
4. Гидденс Э. *Трансформация интимности*. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
5. Фуко *Забота о себе. История сексуальности*. – Рефл-бук, Дух и Литера, Грунт, 1998. – 282 с.
6. Elliot A. *Contemporary Social Theory: An Introduction*. – Routledge, 2009. – 392 p.
7. Nicholson L. *Feminism/Postmodernism*. – Routledge. – 1989. – 360 p.
8. Nash K. *Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics and Power*. – Wiley-Blackwell, 2010. – 304 p.
9. Warner M. *Fear of a Queer Planet: Queer Politics and Social Theory*. – University of Minnesota Press, 1993, - 368 p.
10. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. – Routledge, 2006. – 272 p.
11. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.